

Генезис криминалистической тактики

Аннотация: Рассматривается история зарождения, развития и становления криминалистической тактики.

Анализируются правовые документы – рукописи, исторические памятники, произведения искусства, содержащие положения тактико-криминалистического характера.

Ключевые слова: криминалистическая тактика; доказательство; механизм преступления; криминалистические знания; право; суд; процесс.

История криминалистики как большинства юридических наук восходит к первым типам государства и права, возникшим в результате разложения первобытнообщинного строя. Первое серьезное нарушение установленных государством правил поведения, будь то обычаи или законы – первое преступление – породило необходимость его расследования, установления личности преступника, обстоятельств, механизма и причин совершения преступления. Это, в свою очередь, обусловило необходимость разработки положений и рекомендаций по организации и планированию предстоящей работы, приёмов проведения и сочетания тех или иных процедурных действий, и определению оптимальной линии поведения исполнителей с учетом их взаимоотношений и установленных правил. Указанные положения и рекомендации по сути своей зародили криминалистическую тактику, как раздел одной из важнейших юридических наук.

Исторически первым типом государства и права были рабовладельческое государство и право, формы которых различались в зависимости от условий их возникновения, развития экономического базиса, соотношения классовых сил и

♦ Ширалиева Сабина Джаваншир кызы – доктор философии права, член Совета Международной организации правовых исследований (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

географических условий. Право было тесно связано с религией, существенно влияющей на его возникновение и формирование. Религиозные воззрения играли роль правосознания при формировании правовых норм, а в некоторых случаях приобретали правовой характер [5, с. 4-5].

Дошедшие до наших дней исторические памятники, рукописи, произведения искусства, касающиеся того периода, содержат много рекомендаций и положений тактико-криминалистического характера, затрагивающие вопросы механизма преступлений, их участников, закономерностях собирания, оценки и использования доказательств, специальных средствах и методах расследования и судебного исследования, предотвращения преступлений, лицах, профессионально занимающихся раскрытием преступлений. Отдельные правовые документы того времени содержат попытки консолидации криминалистических знаний, основная часть из которых дошла, получила развитие и используется в наши дни. Такова, например, судьба тактики большинства следственных действий, нетрадиционной криминалистической техники (гипноз, полиграф) и много другого.

В Древнем Египте, еще в период Раннего царства (около 3100-2800 г.г. до н. э.), в аппарате джати (везиря) состояли чиновники-писцы, в обязанности которых входило раскрытие отдельных видов преступлений. В распоряжении номархов, стоящих во главе номов, также находились чиновники, занимающиеся раскрытием подследственных им преступлений и поиском преступников. Вооруженные отряды нубийских негров, исполняя полицейские функции, занимались розыском скрывшихся преступников [7, с. 13].

В период Нового царства (около 1575-1087 г.г. до н. э.) в Древнем Египте были учреждены суды (кенбеты), в штате которых состояли писцы, обязанные добывать и готовить доказательства для рассмотрения дела. Расследование преступлений в том виде, в котором оно существовало, заключалось в получении письменных ответов от допрашиваемых, предоставлении сторонами вещественных и письменных доказательств. При расследовании некоторых преступлений в качестве неременного элемента процедуры

предусматривались клятвы или испытание водой. Чиновники-следователи и судьи для выяснения истины производили эксперименты и очные ставки, служители культа использовали гипноз и специальные приспособления, позволяющие регистрировать изменения в организме человека при даче им показаний [5, с. 6].

Наиболее обширными из дошедших до нас от Древнего Египта правовых документов, содержащих рекомендации тактико-криминалистического характера, являются «инструкция везиру» (текст сохранился на стенах фиванских гробниц), пророчества жреца Нефереха и Речение вельможи Ипусера (Лейденский папирус). В последнем документе упоминаются «законы зала суда», содержащие руководство по сбору, исследованию и оценке доказательств, которым пользовались судьи. Важнейшим памятником права Древнего Вавилона являются законы царя Хаммурапи (XVIII век до н. э.), текст которых был высечен на базальтовой стеле с изображением бога солнца Шамаша, символизирующего божественное происхождение царского законодательства.

По законам Хаммурапи (ст. ст. 1-11) уголовные дела возбуждались по инициативе частных лиц, а не органов государства. Писец докладывал суду заявление истца, после чего судья приступал к допросам сторон и свидетелей, знакомился с вещественными и письменными доказательствами. Для регистрации осужденных применялись клеймение и калечение.

Право Древней Индии также было тесно связано с религией и религиозной моралью. Наши сведения о древнеиндийском праве основаны главным образом на Ведах (религиозных книгах) и дхармашастрах – сборниках религиозно-правовых предписаний (дхарм), важнейшими из которых являются дхармашастры Ману (II в. до н. э.) [4, с. 73].

Расследование преступлений в Древней Индии производилось судом, придерживавшимся формальной оценки доказательств. Уголовные дела возбуждались не по инициативе органов государства, а заинтересованными лицами, которые сами должны были убедить суд в своей правоте и представить

для этого соответствующие доказательства. Свидетелями на суде не могли быть рабы, дети, люди с дурной репутацией. Женщины могли давать показания только относительно женщин, о «дважды рожденных» могли свидетельствовать лишь «дважды рожденные». Если свидетели давали разные показания, то принимались во внимание показания большинства. В случае отсутствия такового суд принимал за действительные показания тех, у кого были «хорошие качества». Широко практиковалось обращение к «божьему суду» – клятвам, испытанию огнем, рекомендовалось использовать услуги тайных осведомителей и доносчиков [7, с. 14].

Историческая традиция относит появление первых писаных законов Древнего Китая к государству Шан (Инь). Та же традиция, которую нельзя считать вполне достоверной, приписывает правителю государства Чжоу Мувану (X в. до н. э.) составление специализированного уголовного кодекса, насчитывающего 3 тыс. статей и содержащего рекомендации по допросу свидетелей, применению пыток, испытанию водой и огнем.

К V–II вв. до н. э. относится составление ряда сборников законов, из которых наибольшую известность получила «Книга законов» (Фацзин), подготовленная в царстве Вэй Ли Куем (424–387 г.г. до н. э.). В этой книге, состоявшей из 6 глав, излагалось действовавшее в Китае уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, описывались приемы избличения допрашиваемых во лжи, приводилась последовательность вопросов, которые при допросах следовало задавать родственникам обвиняемых, рекомендовалось подвергать обвиняемого аресту и пыткам, если он не признавался в совершении преступления.

Исторически первым следственно-судебным органом в Древних Афинах был ареопаг, обязанный по поручению народного собрания проводить расследование государственных преступлений. Результаты расследования сообщались народному собранию, а само дело рассматривалось гелиэей. Расследование государственных и иных преступлений заключалось в допросах сторон, исследовании письменных и вещественных доказательств, проверке

показаний путем экспериментов и осмотров, которые получили широкое распространение и развитие [5, с. 7-8].

В Древнем Риме до II в. до н. э. в уголовном процессе не было установлено никаких правил судопроизводства. Магистраты производили расследование уголовных дел и выносили приговоры по ним, руководствуясь собственным усмотрением. Произвол магистратов был ограничен только законами Валерия и Атерния Тарпея.

Во II в. до н. э. в Древнем Риме создаются постоянные комиссии по расследованию и разбирательству уголовных дел. Судопроизводство в этих комиссиях осуществлялось на основе специальных инструкций, в которых определялся состав преступления, подлежащего рассмотрению соответствующей комиссии, назначался вид наказания за него, а также определялись правила проведения допросов, очных ставок, осмотров вещественных доказательств и мест происшествия.

В период принципата и домината в Древнем Риме вводится и утверждается в уголовном судопроизводстве инквизиционный процесс, характерными чертами которого являются: соединение следственных и судебных функций в лице судьи, секретный характер производства, стеснение прав обвиняемого; возложение обязанности доказывать свою невиновность на самого подсудимого; формальная теория доказательства, квалифицирующая ценность свидетельских показаний по признакам класса, вероисповедания, национальности и иным признакам; утверждение, что царницей доказательств является признание обвиняемого и применение по этим соображениям пыток не только к обвиняемому, но и к свидетелям [7, с. 16].

Инквизиционный процесс, сложившийся в Древнем Риме, был воспринят в период феодализма в Западной и Восточной Европе, где основным источником права являлся обычай. Так, в период V-IX в.в. на территории Франкского государства происходит запись обычаев племен в виде так называемых «варварских прав». Создаются Салическая, Рипуарская, Бургундская, Аллеманская и другие «правды». В 802 году Карл Великий приказал составить

«правды» всех племен, входивших в состав его империи и еще не имевших к тому времени записей своих обычаев.

В Арабском халифате возникла и оформилась одна из наиболее значительных правовых систем средневекового Востока – мусульманское право (шариат). Действие шариата не ограничивалось, однако, рамками Арабского халифата, а вышло далеко за его пределы. Вместе с мусульманской религией нормы шариата получили распространение на территории Передней и Средней Азии, Закавказья, Северной, а также частично Восточной и Западной Африки, ряда стран Южной и Юго-Восточной Азии. Само мусульманское право вобрало в себя многие элементы предшествовавших правовых культур стран Востока, в частности правовые обычаи и традиции, действовавшие в доисламской Аравии и на завоеванных арабами территориях [4, с. 484].

Шариат – это правовые предписания, неотъемлемые от теологии **Ислама** и тесно связанные с его положениями. **Ислам** рассматривает правовые установления как частицу единого божественного закона и порядка, в связи с чем велениям и запрещениям, составляющим нормы шариата, также предписывается божественное значение. С распространением **Ислама** и превращением его в одну из мировых религий шариат стал своеобразной мировой системой права.

Важнейшим источником шариата считается **Коран** – священная книга мусульман, составленная пророком Мухаммедом. Канонизирование содержания и выработка окончательной редакции Корана произошли при халифе Омаре (644-656 г.г.). Коран состоит из 114 глав (сур), расчлененных на 6219 стихов (аятов), более 500 из которых содержат предписания, причисляемые к шариату [5, с. 13].

Процесс по мусульманскому праву носил обвинительный характер. Дела возбуждались не от имени государства, а заинтересованными лицами. Судебные дела рассматривались публично, обычно в мечети, где могли присутствовать все желающие. Процесс проходил устно, письменное делопроизводство не применялось, хотя в период правления Аббасидов сос-

тавлялись судебные протоколы. Доказательствами считались признание, показания свидетелей, клятвы. Дело должно было разрешаться на одном заседании, не могло откладываться на следующий день. Признание обвиняемого в совершении преступления не влекло прекращение процесса, т.к. для доказанности вины требовался комплекс доказательств. При допросах свидетелей и обвиняемых рекомендовалось наблюдать за их поведением, мимикой. Пытки и действия, оскорбляющие либо унижающие личность, запрещались [7, с. 19].

Особое место в истории криминалистической тактики занимает инквизиция, созданная для преследования и искоренения ереси средствами насилия. Ересь понималась церковью как намеренное отрицание артикулов католической веры и открытое и упорное отстаивание ошибочных воззрений. Еретиком же считался верующий, знакомый с католической доктриной, однако отрицающий ее и проповедующий противоречащие ей идеи. Верховным главой инквизиции являлся папа римский. Инквизиторы назначались им и только ему одному подчинялись.

С самого начала их деятельности инквизиторов обвиняли в том, что они, пользуясь отсутствием какого-либо контроля, фальсифицировали показания арестованных и свидетелей. В связи с этим в систему инквизиции были введены должности нотариуса и понятых, должных якобы способствовать беспристрастности следствия.

Нотариус скреплял своей подписью показания обвиняемых и свидетелей, что делали и понятые, присутствовавшие при допросах. Нотариус, как правило, принадлежал к духовному званию, и, хотя его должность утверждалась папой, он находился на жалованье у инквизитора, понятными же выступали чаще всего те же монахи из доминиканского ордена, в ведении которого находилась инквизиция.

Основанием для начала следствия в инквизиционном процессе служил донос или показания подследственного, выдвинутые против третьего лица. Инквизитор на основе одного из таких документов начинал предварительное следствие, вызывая на допрос свидетелей, могущих подтвердить обвинение,

собирал дополнительные сведения о преступной деятельности подозреваемого и его высказываниях, направлял запросы в другие инквизиционные трибуналы на предмет выявления дополнительных улик. Затем собранный материал передавался квалификаторам, которые решали, следует ли предъявить подозреваемому обвинение в ереси. Получив положительное мнение квалификатора, инквизитор отдавал приказ об аресте подозреваемого. Арестованного помещали в секретную тюрьму инквизиции, где он содержался в полной изоляции от внешнего мира, в сыром и темном, как правило, каземате, часто закованный в кандалы или посаженный на цепь. Смерть обвиняемого, так же как и его умопомешательство, не приостанавливали следствия [5, с. 15].

Одним из основных этапов в инквизиционной процедуре являлся допрос обвиняемого, цель которого заключалась в том, чтобы добиться от него признания, а, следовательно, и отречения от еретических воззрений и примирения с церковью. Инквизитор тщательно готовился к допросу арестованного. Он предварительно знакомился с его биографией, выискивая в ней места, используя которые мог бы сломить свою жертву, заставить ее беспрекословно повиноваться своей воле.

Допрос начинался с того, что обвиняемого заставляли под присягой дать обязательство повиноваться церкви и правдиво отвечать на вопросы инквизиторов, выдать все, что знает о еретиках и ереси, и выполнить любое наложенное на него наказание. После такой присяги любой ответ обвиняемого, не удовлетворявший инквизитора, давал повод последнему обвинить свою жертву в лжесвидетельстве, в отступничестве, в ереси и, следовательно, угрожать ей костром.

При допросе инквизитор избегал выдвигать конкретные обвинения, ибо не без основания опасался, что его жертва будет готова дать любые требуемые от нее показания, чтобы поскорей избавиться от своего мучителя. Инквизитор задавал десятки самых разнообразных и часто не имеющих к делу никакого отношения вопросов с целью сбить с толку допрашиваемого, заставить его впасть в противоречия, наговорить с перепугу нелепостей, признать за собой

мелкие грехи и пороки. Достаточно было инквизитору добиться признания в богохульстве, несоблюдении того или другого церковного обряда или нарушении супружеской верности, как, раздувая эти не столь тяжелые проступки, он вынуждал свою жертву признать и другие, уже более опасные и чреватые для нее серьезными последствиями «прегрешения».

Умение вести допрос, т.е. добиться признания у обвиняемого, считалось главным достоинством инквизитора. Со временем возникла необходимость в детальных инструкциях или руководствах для инквизиторов, в которых, так сказать, суммировался инквизиционный опыт, и приводились варианты допросов, предназначенных для последователей различных сект. Составители этих инквизиционных «вадемекумов» исходили из предпосылки, что их жертвы являются бессовестными лжецами, хитрейшими лицемерами, «слугами дьявола», которых следовало разоблачить и заставить сознаться в своих «отвратительных преступлениях» любыми средствами и во что бы то ни стало.

Автор одного из таких «пособий», инквизитор Бернар Ги, отмечал, что невозможно составить раз навсегда данную схему допроса. В таком случае, писал Ги, «сыны преисподней» быстро привыкнут к единой методе и без труда научатся избегать расставляемые им инквизиторами капканы [7, с. 21].

Добиться признаний только путем хитроумно и коварно построенного допроса инквизиторам удавалось не всегда. Тогда пускались в ход другие, не менее действенные средства – ложь, обман, запугивание, рассчитанные на то, чтобы подавить личность обвиняемого, психологически загнать его в тупик, вызвать у него чувство обреченности. Чтобы добиться желаемого эффекта, инквизитор не останавливался перед прямой фальсификацией фактов. Не имея на то никаких оснований, он утверждал, что преступление обвиняемого доказано и подтверждено многочисленными свидетельскими показаниями, в том числе его сослуживцев, соседей, родных и знакомых, что обвиняемый может избежать костра и спасти от такой же участи своих родственников и друзей только путем полного и искреннего признания своей вины [5, с. 16-17].

Для убеждения обвиняемого дать требуемые от него показания к нему в камеру подсаживались специально натренированные провокаторы, которые прикидывались единомышленниками и доброжелателями обвиняемого, стремились или заполучить против него новые улики, или убедить его сознаться. Если это не давало результатов, то с этой же целью использовали жену и детей, слезы и убеждения которых могли сделать жертву более сговорчивой. Угрозы сменялись ласками. Заключение выводили из смрадной тюрьмы и помещали в опрятной комнате, где его хорошо кормили и где с ним обращались с видимой добротой в расчете, что его решимость ослабнет, колеблясь между надеждой и отчаянием.

У инквизиторов было множество и других «гуманных» средств для того, чтобы сломить волю своей жертвы. Однако когда они приходили к заключению, что уговорами, угрозами, хитростью невозможно сломить обвиняемого, то прибегали к насилию, к пыткам, исходя из посылки, что физические муки просвещают разум значительно эффективнее, чем муки моральные.

Таков, с нашей точки зрения, этап зарождения криминалистической тактики, завершившийся в середине XIX века с выходом в свет во Франкфурте двухтомника Людвиг фон Ягеманна «Руководство по судебному расследованию». (1838-1841г.) [5, с. 20].

Первый том был посвящен теории расследования, а во втором на 344 примерах из следственной практики излагались советы и наставления по производству расследования преступлений [124, с. 20].

С конца XIX – начала XX веков начинается этап консолидации криминалистических знаний, в том числе непосредственно связанных с криминалистической тактикой. Основоположником данного этапа как и новой отрасли знания, названной им криминалистикой был австрийский судебный следователь, впоследствии профессор немецкого университета в Праге Ганс Гросс. (1847-1915). В 1892 г. Г. Гросс опубликовал фундаментальное «Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции», в

котором он систематизировал все известные в то время средства и приемы работы с доказательствами, разработал ряд оригинальных рекомендаций по использованию достижений различных наук своего времени в целях обнаружения, изъятия и исследования следов и иных вещественных доказательств, описал быт и жаргон профессиональных преступников, наиболее распространенные в практике способы совершения и сокрытия преступлений и сформулировал основы использования положений криминалистической тактики при раскрытии и расследовании ряда опасных преступлений [7, с. 27-28].

В последующем идеи Г. Гросса в части криминалистической тактики находят свое развитие в трудах А. Вейнгарта, К. Нигефоро, А. Рейсса, С.М. Потапова, С.Н. Трегубова, Г. Шнейкертома, В. Штибера, Р. Гейндля, Э. Аннушата, И.Н. Якимова, В.И. Громова и других ученых – криминалистов [5, с. 23-24].

Из соображений, которые будут изложены ниже, данный этап развития криминалистической тактики, мы относим до конца XX века, однако подразделяем его на два подэтапа: первую и вторую половину столетия.

Наибольшего развития до нынешнего состояния криминалистическая тактика, с нашей точки зрения, достигла именно во второй половине XX века, с появлением фундаментальных работ по ней Л.Е. Ароцкера, Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Н.И. Туковской, И.Н. Якимова, В.И. Попова, Н.И. Порубова, А.Р. Ратинова, В.Е. Коноваловой, А.В. Дулова, В.П. Васильева и многих других ученых-криминалистов.

В этот период в области криминалистической тактики внимание ученых было обращено на проблематику следственных ситуаций (И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, О.Я. Баев, В.К. Гавло, В.И. Шиканов и др.) тактических комбинация и иных криминалистических комплексов (А.В. Дулов, Р.С. Белкин, В.А. Жбанков и др.), тактического решения и тактического риска (С.И. Цветков, Д.Д. Осипов, Г.А. Зорин).

На стыке между тактикой и методикой велись исследования познавательной природы расследования (И.М. Лузгин, Н.А. Якубович, В.Е. Коновалова, А.А. Эйсман и др.), организационных основ расследования и его эффективности (Л.А. Соя-Серко, А.И. Михайлов, А.Б. Соловьев, Д.И. Сулейманов), системы следственных действий (И.Е. Быховский) и др. [7, с. 42-43].

Значимость перечисленных трудов для развития и становления традиционной криминалистической тактики очевидна. Вместе с тем, с нашей точки зрения, экскурс в прошлое позволяет утверждать, что со времен рекомендаций Бернара Ги до конца XX века криминалистическая тактика, особенно в части производства процессуальных действий, имеющих наибольшее практическое значение, существенных изменений не претерпела. Изменения в уголовно-процессуальном законодательстве обусловили исследования и происходящие из них новые положения и рекомендации в части нравственных основ и принципов криминалистической тактики, однако большинство из них, как показывает практика, оказались необоснованными.

Изложенные обстоятельства обусловили поиск новых форм криминалистической тактики и в конце XIX – начале XX веков отдельными учеными США, Германии и Беларуси начали проводиться исследования, имеющие своей целью совершенствование отдельных процессуальных действий путем использования в их тактике современных положений различных наук, имеющих к криминалистике опосредственное отношение.

В числе таких исследований и полученных результатов можно назвать метод психологического профиля, допрос в особом состоянии сознания, допрос с использованием полиграфа, «наркодопрос», методы криминалистического матрицирования, анализа управленческого решения, функций деятельности (А.В. Дулов), приемы криминалистического анализа, использования инверсий, эффектов и ловушек (Г.А. Зорин), метод тактического воздействия на основе определения биоритмологических параметров допрашиваемого, использование

музыкального запахового фонов при допросе (Н.Н. Китаев, М.А. Михайлов) и другие. [1; 2; 6; 8].

Указанный период условно может быть отнесен к этапу зарождения интегративной криминалистической тактики, однако первое упоминание о ней как интегративно-модульной форме мы встречаем лишь в 2001 г. в работе Г.А. Зорина, М.Т. Зориной и Р.Т. Зорина «Возможности криминалистического анализа в процессах предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам» [3].

Интегративная криминалистическая тактика, основанная на традиционной, находится в стадии зарождения, суть её обозначена лишь контурно. Необходимо определение её понятия, предмета и структуры, места в теории криминалистики, корреляцией с другими отраслями знаний, теоретических основ, принципов и функций, особенностей, системных элементов и их функционирования.

Библиография

1. Дулов А.В. Судебная психология. Минск, 1970.
2. Зорин Г.А. Криминалистический риск: природа и методы оценки. Учеб. пособие. Минск, БГУ, 1990.
3. Зорин Г.А., Зорина М.Т., Зорин Р.Т. Возможности криминалистического анализа в процессах предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам. Учебно-методическое пособие. М., Юрлитинформ, 2001.
4. История государства и права зарубежных стран (Рабовладельческое и феодальное государство и право): Учеб. пособие / Под ред. П.Н. Галанца и Б.С. Громакова. М., Юрид. лит., 1980.
5. История и теория криминалистики: Учеб. пособие / Под ред. Сулейманова Д.И. Баку, Военное издательство, 1999.

6. Китаев Н. Н., Ермаков Н. П. О возможности использования музыки при допросе обвиняемого // Проблемы изучения личности участников уголовного судопроизводства. Свердловск, 1980, с. 104–109.

7. Криминалистика. Учебник для ВУЗов. Под ред. Сулейманова Д.И. Баку, Ишыг, 2000.

8. Михайлов А.И., Соя-Серко Л.А., Соловьев А.Б. Научная организация труда следователя. М., Юрид. лит., 1972.